

Эльдар Рязанов сказал о нем: «Мы с ним совсем разные люди. Он человек красивый, спортивный, даже в чем-то супермен, не то что я. Как-то мы отдыхали в Пицунде, он уплывал в море часа на два, а потом таскал и меня в воду, учил кататься на лыжах. И, надо признаться, совершенно безуспешно. Я все время тонул, только хохотал, торча из воды...»

Он производит впечатление благополучного человека. Раскован, светски галантен. Увлекается многим — водными лыжами, виндсерфингом, фотографией (его фотографии печатались на обложке журнала «Лайф»). И все-таки он замкнут и даже не вполне уверен в себе. Чуть-чуть играет эту роль — роль благополучного человека. В его судьбе — своя драма.

— Скажите, а вам, ученику Арама Хачатуряна, автору музыки к ста фильмам, в том числе и ко всем фильмам Михаила Калика, рязановской «Иронии судьбы», не обидно оставаться для публики автором телесериала «Семнадцать мгновений весны»?

— Я иногда начинаю ненавидеть этот фильм. Хотя все же считаю его творческой удачей. Я знаю, что мой имидж прежде всего связан с кинематографом. Но я живу в двух мирах. Один мир — это музыка в кино, другой — музыка, которую я пишу для себя.

— Так что же, музыка к ста фильмам для вас своего рода повинность?

— Ничего подобного. Я люблю кино. Я, например, уверен, что, жил бы Моцарт в XX веке, он непременно работал бы и в кинематографе, как блестяще работали в кинематографе Прокофьев, Шостакович или Свиридов. Ну а потом кинематограф давал мне независимость.

— Материальную?

— И материальную, и творческую. Я не слышал годами никакой своей музыки в оркестре, а кинематограф давал возможность услышать партитуру буквально на следующий день в «живом» звучании. Ну и к тому же я нигде не служил, в каком-то определенном месте, был всегда, что называется, свободным художником.

— А разве вы не были секретарем Союза композиторов?

— Очень короткий период. Родион Шедрин, с которым мы дружны много лет, будучи председателем российского союза, позвал меня в свою команду. Но я очень скоро убедился, что в команде играть не умею. И я подал в отставку, так как я вообще не игрок. Независимость — это то, может быть, немногое, чем я действительно бесконечно дорожу. А у нас это не очень принято.

— Что вы имеете в виду?

— Знаете, когда мне было шесть лет, меня отвели в детский сад. Ко мне подошли два мальчика. Один из них сказал: «У нас две команды. Ты за кого?» Я ответил: «Я ни за кого, я за себя». Тут же началась драка, и я получил взбучку от обоих. С тех пор моя позиция не изменилась.

— Но какие команды были в музыкальной жизни?

— Грубо говоря, многие годы у нас была возможность выбирать между двумя. В них были свои нюансы, различия, но в принципе все сводилось к двум позициям. Либо вы жили в согласии с начальством (музыкальным и немзыкальным), либо вы апеллировали к связям вне страны, такое, что ли, музыкальное диссидентство. Так случилось, что я не примкнул ни к той, ни к другой группе.

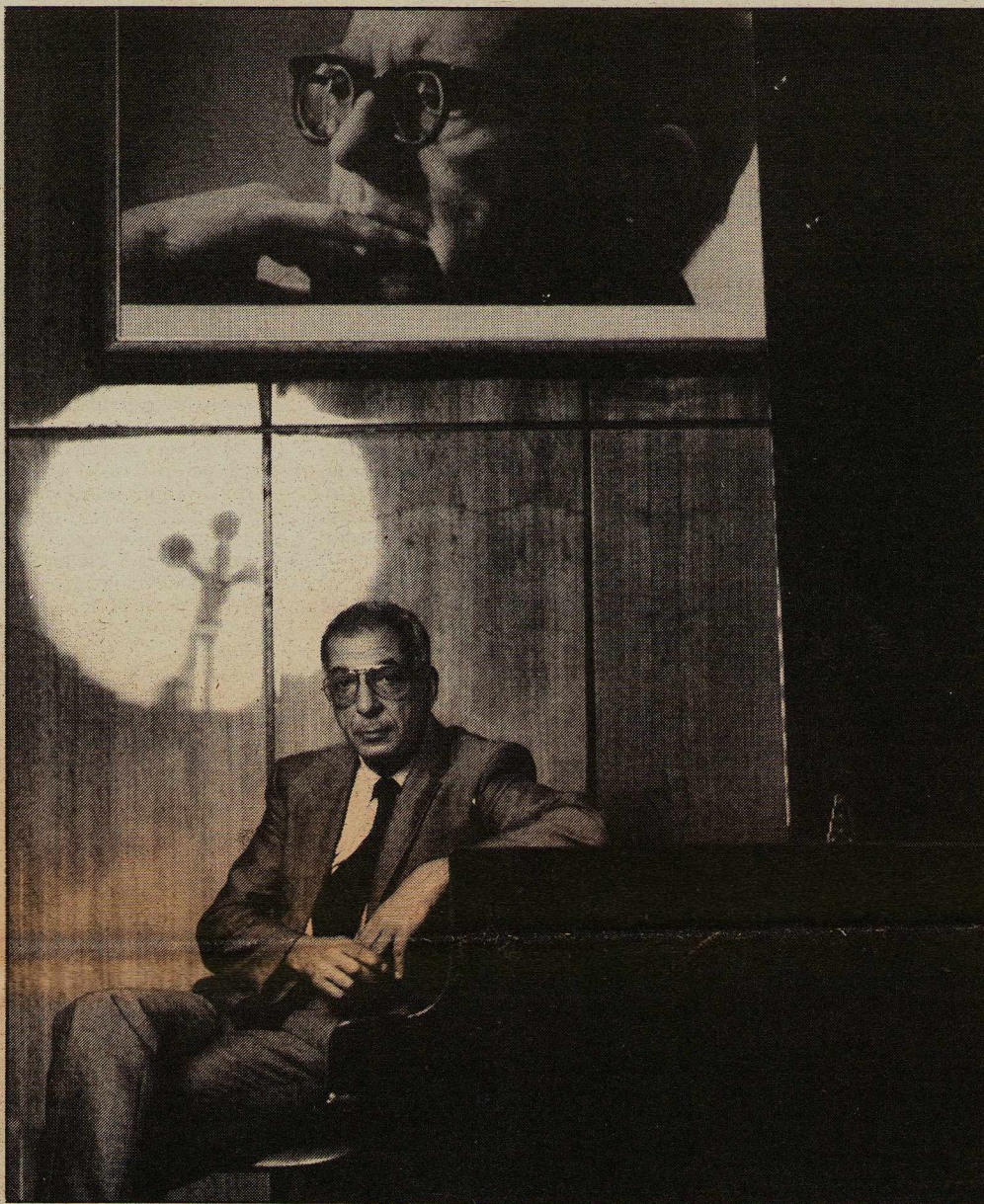
— За независимость тоже надо платить...

— Во всяком случае гонениям я не подвергался. К сожалению.

— ?

— Да, гораздо удобнее быть подвергнутым открытому гонению. Больше популярности, которую дало великой тройке — Прокофьев, Шостакович, Хачатурян — известное постановление 1948 года, не может быть. Даже те люди, которые не знали их имен, их узнали. Но есть совершенно другой способ изживания, гораздо более тонкий, иезуитский. Я называю его «удушение через подушку». Этот

МИКАЭЛ ТАРИВЕРДИЕВ: «Я ПРОСТО ЖИВУ»

способ применялся в Союзе композиторов много лет и с большим успехом: нет такого человека, и все тут. Не ругают, не устраивают скандал. Что же касалось меня, то, что я делал в кино, — это пожалуйста, ради Бога. Но параллельно с этим я писал ведь и другую музыку, а вот ее как бы не существовало.

— Но ведь ваши три оперы поставил Борис Покровский, а две из них по сей день в репертуаре Московского камерного театра, органную музыку исполняет Гарри Гродберг. У многих на памяти успех органной симфонии «Чернобыль». Кстати, вы же сами были героем скандальной истории, когда вас обвинили в том, что вы «стащили» что-то из «Истории любви» Френсиса Лея в «Семнадцати мгновениях весны». Правда, никто не мог понять что именно.

— Я думаю, что я стал популярным как раз после этого фильма. И не столько благодаря музыке, сколько благодаря этому вот скандалу. И хотя позже было доказано, что и моя музыка была написана раньше (фильм-то снимался около трех лет!), и непохожа она на музыку Лея, если не считать интонации первой сексты, да и то в обратном направлении.

— А кто же устроил эту историю?

— Вообще история вроде бы смешная. После успеха фильма, примерно через неделю, в Союзе композиторов мне показали телеграмму от Френсиса Лея. Буквально: «Поздравляю вас с успехом моей музыки в вашем

фильме». Я рассмеялся и оставил ее на столе у референта Хренникова, где ее и нашли.

А потом произошла еще одна странная история. Некто позвонил на радио, назвавшись представителем французского посольства, с возмущением по поводу того, что Таривердиев украл музыку у Френсиса Лея. Через день — аналогичный звонок на студию Горького... Я опять посмеялся. Но потом на радио на всякий случай перестали передавать музыку к этому фильму. На студии пошли разговоры, что советское правительство должно было якобы заплатить 50 тысяч долларов штрафа за то, что я украл музыку. Ну и так далее. Мне было уже не до смеха. Тогда я позвонил атташе французского посольства, и тут-то выяснилось, что никогда звонка отсюда не было. Более того, Френсис Лей прислал по этому поводу возмущенную телеграмму, заявив, что это провокация. Кстати, потом выяснилось, что телеграмма-то была напечатана на обычной машинке с латинским шрифтом и полоски бумаги были просто приклеены к бланку международной телеграммы, купленной в обычном почтовом отделении Москвы. Никто ее не получал, ее просто кто-то принес и оставил на столе. В общем, это сделал кто-то из коллег. Я теперь даже знаю, кто именно, но не хочу его называть.

Вот тогда я понял, чего стоит популярность. Она не стоит и копейки. Потому что, несмотря на вроде бы действительно хорошее

отношение публики, несмотря на все овации после концертов, скандал был воспринят с такой радостью, так приятно оказалось кого-то унижить, что я был потрясен. Несколько лет у меня не было ни одного концерта, на котором я не получил бы записку: «Правда ли, что вы заплатили миллион долларов?» С тех пор я перестал доверять публике. Я не люблю ее и боюсь. Именно поэтому выхожу на сцену крайне редко.

А потом еще одна вещь. Наша страна, не знаю почему, невероятно любит тех, кто умер. У нас желательно умереть молодым. Если ты умер, скажем, в сорок лет — хорошо. В тридцать — просто замечательно. Но почему же именно мертвые сразу становятся любимцами публики? Неужели не лучше было бы их больше любить при жизни? Наверное, нужно вовремя умереть. Желательно — молодым. Или в крайнем случае — уехать.

— А у вас не было этой мысли?

— Я не буду говорить никаких красивых слов — что здесь моя родина, моя страна. Когда-то я думал и говорил именно так. Почему не уехал? Не знаю. Сам не знаю. У меня была эта возможность, когда я получил премию Американской академии музыки. Когда мне заказали музыку для Голливуда. Это, помимо творческого интереса, были очень большие суммы, которых вполне хватило бы, чтобы обосноваться в Штатах (кстати, когда я вернулся после получения премии, деньги у меня отобрали, а на три недели в Голливуд так и не выпустили). Я и тогда не уехал. И сейчас не уеду тем более. Почему? Не знаю. Но знаю, что этого не сделаю.

— Может быть, вы считаете это предательством?

— Нет, что вы. Никогда так не считал. Многие мои друзья оказались в эмиграции — Калик, Максим Шостакович, Аксенов, да мало ли...

— Что же тогда вы подразумевали под предательством интеллигенции, написав книгу под таким названием?

— Эта книга о том, как семьдесят лет назад советская власть предала интеллигенцию и как потом новая интеллигенция научилась предавать сама. Конечно, я имею в виду не всех. Но кто устраивал травлю Солженицына, Пастернака, Аксенова? Вы скажете, ЦК КПСС? А разве не руками писательской интеллигенции? Кто подписывал обращение по поводу музыки Шнитке и Губайдулиной? Опять ЦК КПСС? Но разве там были подписи не коллег музыкантов? А совсем недавно, всего лишь несколько месяцев назад, Горбачев собирал интеллигенцию — деятелей культуры. Я видел эту встречу по телевидению и слышал, как кто-то из присутствовавших там заявил, обращаясь к Горбачеву, что у народа полны холодильники и пора навести порядок. Что это за сытая интеллигенция, которая требует прижать свой народ, готова подписывать любые обращения против своих же коллег? Интеллигенция во многом сама предала это высокое понятие.

— А вы сами что-нибудь подписывали?

— За всю мою жизнь я никогда не подписал ни одного коллективного письма, впрочем, и не коллективного тоже, против кого бы то ни было. Единственный раз я подписал коллективное письмо — обращение к президенту Горбачеву с протестом по поводу январской трагедии в Литве. Другое дело, что я слышу человеком с плохим характером. Наверное, это так. Я часто ссорился, делал глупости, ошибки. Что же касается компромиссов, то мне никогда не предлагали никаких сделок — сделайте, мол, то-то и получите вот это. Меня не искушали. Например, я никогда не был членом партии, мне это в голову не приходило, да меня и не звали. Я счастлив, что умудрился прожить, не вступив ни в один компромисс. Однажды Андрей Вознесенский сказал мне: «Ты хочешь прожить свою жизнь, как целка в бардаке». Ну что ж, может быть, он и прав. Но я просто живу.

Беседу вела Елена ЗАЙЦЕВА.
Фото Валерия ПЛОТНИКОВА.

195